УДК: 339.564:332.1 DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-2-35-47

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СНГ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Лобанов К.Н.[1]

Аннотация. *Цель статьи* — рассмотреть содержание и особенности информационно-психологической борьбы на постсоветском пространстве.

Предмет исследования – методологические модели продвижения геополитической экспансии международных игроков в информационном и идейном пространстве СНГ.

Выявляется взаимосвязь между политическим целеполаганием ведущих акторов мировой политики в области информационного противоборства и развитием его идеологического и доктринального обеспечения.

Автор обосновывает, что на современном этапе международных отношений именно идеологический фактор детерминирует нацеленность стратегий информационно-психологического воздействия, которое реализуют государства и их коалиции в контексте своих геополитических интересов.

В статье анализируются ключевые принципы идеологических концептов, которые используются США и их союзниками для пропаганды идейных установок и мотиваций, подрывающих ментальное единство народов пространства СНГ и формирующих вызовы и угрозы региональной безопасности в ближнем зарубежье России.

В результате исследования делается вывод, что конкурентная борьба за геополитические предпочтения новых независимых государств СНГ между ведущими акторами мировой и региональной политики порождает появление новых идеологических доктрин и искусственно формирующихся мировоззренческих идентичностей, содержание которых определяет контекст информационно-психологического противоборства на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Постсоветское пространство, информационно-психологическое противоборство, информационно-психологическое воздействие, стратегическая пропаганда, публичная дипломатия, региональная безопасность, либеральный интернационализм, пространство СНГ.

Лобанов Константин Николаевич — доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, адрес: 308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71, e- mail: lobanov-pol@yandex.ru

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL CONFRONTATION IN THE SPHERE OF REGIONAL SECURITY OF THE CIS: IDEOLOGICAL AND DOCTRINAL BASES

LOBANOV K. N. — Doctor of Political Science, Docent, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Belgorod Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (Russian Federation, Belgorod), e-mail: lobanov-pol@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to consider the content and features of the informational and psychological struggle in the post-Soviet space.

The subject of the research is the methodological models for promoting the hepolytic expansion of international players in the information and ideological space of the CIS.

The relationship between the political goal-setting of the leading actors in world politics in the field of information warfare and the development of its ideological and doctrinal support is revealed. The author substantiates the idea that at the present stage of international relations, it is the ideological factor that determines the focus of the strategies of information and psychological influence that are realized by states and their coalitions in the context of their geopolitical interests.

The article analyzes the key principles of ideological concepts that are used by the United States and its allies to propagandize ideological attitudes and motivations that undermine the mental unity of the peoples of the CIS and form challenges and threats to regional security in the near abroad of Russia. As a result of the study, it is concluded that the competition for the geopolitical preferences of the new independent CIS states between the leading actors in world and regional politics gives rise to new ideological doctrines and artificially shaped worldview identities, the content of which determines the context of the information-psychological confrontation in the post-Soviet space.

Keywords: Post-Soviet space, information-psychological confrontation, information-psychological impact, strategic propaganda, public diplomacy, regional security, CIS space.

Введение. Состояние международных отношений в современном мире все в большей степени определяется последствиями информационно-психологической борьбы, в которую оказались втянуты ведущие субъекты мировой политики — как государства и их союзы, так и негосударственные акторы, включая транснациональные корпорации, сетевые экстремистские сообщества, террористические группировки. Указанные обстоятельства негативно влияют на интеграционную политику России на постсоветском пространстве, формируют комплекс новых вызовов и угроз коллективной безопасности региона СНГ. Это обусловлено несколькими факторами: противоречивостью и неупорядоченным характером процесса информатизации, тесным взаимодействием информационной и политической сфер жизнедеятельности, распространением эффективных приемов и технологий политической борьбы. В результате проявляется широкий спектр опасных последствий, требующих адекватной реакции исследовательского сообщества и институтов государственной власти.

Концепции и доктрины информационного противоборства во многом определяют содержание отношений между государствами и иными субъектами многополюсного мира, придают им отчетливо выраженный конфронтационный характер. Имеет смысл принять во внимание точку зрения британского ученого Э. Гидденса, согласно которой информационная революция, будучи детерминирована глобализационными процессами, несет в себе очевидный конфликтный потенциал[1]. Аналогичной позиции придерживаются российские исследователи, связывающие достижения информатизации с деструктивным влиянием на содержание политического процесса[2].

К настоящему времени приоритетное внимание исследовательского сообщества уделяется в первую очередь оценке вызовов и угроз информационно-психологического характера, противодействию опасностям в сфере кибер-пространства[3]. Только в последние годы, отмеченные переходом к открытой геополитической конфронтации между Западом и Россией, отмечаются попытки рассмотреть и проанализировать социокультурный — мировоззренческий и психологический — сектор информационного противоборства[4]. Однако до настоящего времени в научных работах не нашли отражения политико-идеологические аспекты современной информационной борьбы.

Действительно, анализ применения информационных и цифровых технологий в целях воздействия на глобальную или региональную безопасность имеет первостепенное теоретическое и прикладное значение. Следует учитывать, что инструментарий информационно-психологического характера используется на практике, будучи подчинен целям конкретных идеологических программ и мировоззренческих установок. В этой связи представляется обоснованным мнение относительно идеологизации политики обороны и безопасности атлантических держав, подчинения ее стратегических установок идейным принципам глобального либерализма XXI столетия[5], ввиду чего информационная политика США и их союзников по-прежнему остается подчинена потребностям внешнеполитического мессианизма. В результате в современный период информатизация используется в рамках стратегии принудительной демократизации планеты, поддерживаемой в разной мере и республиканской, и демократической партиями Соединенных Штатов. Весьма удачным представляется и еще один термин, используемый Д. Чармли для обозначения идеологии оправдания геополитической экспансии англосаксонских стран. В качестве такового в зарубежной научной литературе применяется понятие «воинственный либерализм». Детерминированное им стремление к

[1] Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999.— С. 105–106.

[2] Поздняков А.И. Основы теории национальной безопасности // Альманах «Пространство и Время». Электронное научное издание. — 2013. — Т. 2. — Вып. 1. [Электронный ресурс] URL: https://clck.ru/NXcVu (дата обращения: 18.01.2020).

[3] Гриняев С.Н.Поле битвы — киберпространство. Теория, приемы,средства, методы и системы ведения информационной войны. — М.: Харвест,2004. — С. 16.

[4]Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. — М.: Горячая линия — Телеком, 2018. — С.123.

[5] Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. — М.: Европа, 2007. — С. 11–12.

однополярному мировому порядку со стороны США и их союзников рассматривается как продолжение имперского либерализма периода классического британского колониализма. Данный процесс трактуется учеными в качестве «либерального интернационализма», развернутого с принудительного распространения глобальной демократии. Его стратегическим вектором признана т.н. «политика реконструкции», когда, опираясь на установление экономической зависимости и массированное информационно-пропагандистское воздействие, конкретный социум и его политическая система переориентируются на ценности либеральной демократии.

Следует указать на наличие методологического инструментария, который используется для продвижения сформулированной западными идеологами доктрины «глобальной демократии» и дополняющего ее концепта «общечеловеческих ценностей». В качестве такового в период постбиполярности активно использовалась широко известная концепция «мягкой силы». В ее основе пребывает доктрина «культурно-идеологической гегемонии», описанная политическим философом А. Грамши в последней четверти XX столетия. Суть последней заключается в переориентации конфликтного потенциала политических отношений в область идеологических и культурных дискуссий[1]. С тех пор такие методы, как агитация и манипуляция общественным сознанием, были распространены и на сферу международных отношений, где в соответствии с разработанной американским экспертом Д. Наем методологией «мягкой силы» началось последовательное создание сетей лояльных западным идейно-политическим ценностям субъектов в структуре гражданского общества и среди «политического класса» независимых государств. Ключевыми компонентами «мягкой силы» атлантической цивилизации в настоящее время признаются постиндустриальная экономика, «публичная дипломатия» и массовая западная культура. Несмотря на приписывание авторства стратегии «мягкой силы» Дж. Наю, имеет смысл предположить, что на самом деле она широко использовалась еще в период «холодной войны», сыграв одну из решающих ролей в идеологическом поражении социалистического блока[2]. Однако к настоящему времени концепт «мягкой силы» приобрел новое содержание, будучи модернизирован для решения задач построения «нового мирового порядка» и подрыва идейных устоев противников и конкурентов атлантического сообщества, включая Россию.

Например, в период 2004–2008 гг. рассматриваемый концепт был существенно трансформирован, что нашло воплощение в появлении в экспертных кругах США доктрины «умной силы» (smartpower)[3]. Появившееся в ее развитие понятие «разумной силы» призывало различные формы информационно-психологического воздействия на противную сторону[4].

---

[1] Липсет С. Политическая социология // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. — М.: Прогресс, 1965. — С. 203–219.

[2] Зиновьев А.А. Запад. — М.: Центрополиграф, 2000. — С. 374.

[3] Ваплер В.Я., Гронская Н.Э. и др. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы // Научный вестник Уральской академии государственной службы. Политология, социология, экономика, право. — 2010. — № 1. — С. 22–27.

[4] Костырев Г.А. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // Полис. — 2013. — № 2. — С. 143–150.

Наряду с США собственную методологическую модель продвижения геополитической экспансии на постсоветском пространстве разработали и идеологи создания «единой Европы». В основу информационной политики Европейского союза положена концепция «нормативной силы». Под ней понимают возможность устанавливать или трансформировать идейные установки субъектов международных отношений посредством создания, утверждения, модернизации или ликвидации отдельных норм или механизмов их реализации. Данная доктрина применяется для корректировки международного и национального законодательства с целью достижения необходимых политических целей. В условиях конфронтации России и Европейского союза, которая в полной мере заявила о себе после украинского кризиса 2013–2014 гг., «нормативная сила» является одним из ключевых ресурсов информационно–психологического противоборства в постсоветском регионе. Именно указанный концепт лежит в основе переформатирования мировоззрения и идейных убеждений «политического класса» бывших советских республик. В свою очередь идейно ангажированные политики и бюрократы новых независимых государств СНГ в дальнейшем играют роль посредников пропагандистской обработки массового политического сознания. Цель подобной политики состоит в перекодировании исторической памяти и конструировании искусственных национально–цивилизационных идентичностей этнических сообществ постсоветского региона.

На рубеже XX–XXI столетий положения «нормативной силы» составили идеологическую основу «Европейской политики соседства» и стратегии «Восточного партнерства», нацеленных на изоляцию России в ареале ее традиционного геополитического влияния. В основе последних лежит проект создания «европейской нации», предусматривающего формирование панъевропейской идентичности, ценностную ориентацию на модель либеральной демократии. При этом именно Евросоюз проецирует себя в качестве монопольного выразителя общей идентичности «единой Европы», на основании чего пытается предстать в качестве «внешнего арбитра» для новых независимых государств — стран Прибалтики, Молдавии, Грузии, Украины, претендующих на принадлежность к европейской культурно-мировоззренческой традиции. Поэтому в официальных документах ЕС декларируется необходимость «европеизации» бывших посткоммунистических стран СНГ и Восточной Европы. Конечная цель — переформатирование их политических систем на основе европейских ценностей[1].

Для организации системного информационно–пропагандистского воздействия на пространстве СНГ атлантическими державами используется широкий набор теоретических концептов и прикладных технологий. В первую очередь к ним необходимо отнести технологию «публичной» или «общественной дипломатии» (publicdiplomacy). Она взята на вооружение как гражданскими, так и военными ведомствами США и их союзников по НАТО, активно заимствуется многими региональными державами. Отметим, что концепт «публичной дипломатии» постоянно модифицируется, демонстрируя все новые методики воздействия на политическое сознание народных масс и социально

[1] Бабынина Л.О. ЕС и Россия: конкуренция за постсоветское пространство? // РСМД. — 2013. — 29 мая. — URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/es-i-rossiya-konkurentsiya-za-postsovetskoe-prostranstvo/ – Загл. с экрана (дата обращения: 12.01.2020).

активных индивидов. Через ее каналы, детализированные в документе «Публичная дипломатия: укрепление взаимодействия Соединенных Штатов с миром», реализуются следующие задачи: дискредитация идеологических противников Соединенных Штатов; противодействие информационной деятельности; ограничение медиаприсутствия Китая, России, Ирана по всему миру и на постсоветском пространстве.

В последние годы активно развивается такая вариация «публичной дипломатии», как «цифровая дипломатия», по своей сути нацеленная на формирование «альтернативного» или «теневого» интернет–пространства, никоим образом не подконтрольная национальным правительствам. Доказательством трансформации концептов ведения информационно–психологической борьбы служит содержание «Стратегии публичной дипломатии» государственного департамента США 2015 года. В этом документе фактически содержится отказ от принципов «мягкой силы», которую теперь следует трактовать как преимущественно декоративный антураж, камуфлирующий цели и задачи активного информационно-психологического воздействия на глобальную и региональную безопасность[1].

Аналогичная доктрина принята и Организацией Североатлантического договора под наименованием «Концепция стратегической пропаганды», призванная преодолеть разобщенности субъектов информационно-пропагандистского назначения различных натовских государств и обеспечить тесную координацию между ними.

В рамках ревизии концептуальной основы информационно–психологического противоборства экспертами США и стран НАТО лежит задача переориентации «публичной дипломатии» на ведение массированной пропаганды против конкретных политических режимов и социальных сообществ.

Поэтому логическим продолжением информационной политики западных держав является дальнейшая идеологизация указанного сектора международных отношений. Потребность в развитии открытых форм пропаганды и дискредитации геополитических соперников требует обоснования неприкрытой информационной агрессии в мировом общественном мнении, что и обуславливает усилия по идеологическому обеспечению пропагандистских акций в отношении национальной безопасности России и коллективной безопасности пространства СНГ. То есть достижения информационной революции и информатизации используются в международной политической борьбе не как сугубо технологические инструменты, а как средства продвижения принципов определенной идеологической доктрины.

Отметим, что процесс глобальной информатизации закономерно втягивает в свою орбиту идейно–политические концепты и наработки не только мировых лидеров, но и субъектов, не входящих в перечень ведущих акторов эпохи постбиполярности. Во многих странах и регионах выдвигаются собственные ангажированные идеологические проекты, обосновывающие притязания на моральное превосходство над контрагентами в международной коммуникации. Одни из них в той или иной степени интегрируются в общий контекст доминирующих на Западе идеологических оценок или же ситуативно устраивают идейных вдохновителей атлантической экспансии.

[1] Цветкова Н. А., Ярыгин Г. О. Формирование аппарата пропаганды во внешней политике США // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2015. — № 3 (12). — С. 120–122.

В свою очередь аутсайдеры процесса глобализации также стремятся разработать и внедрить альтернативные проекты построения «нового мирового порядка», популяризуемые через соответствующий идейно–политический формат. Особенно показателен пример региона Ближнего и Среднего Востока, представляющего сегодня наиболее конфликтогенную зону современной планеты. Ввиду высокой степени влияния на общественную мысль клерикальных традиций и практик идеологические доктрины в указанном регионе все чаще приобретают радикальный религиозный оттенок и претендуют на вселенский масштаб своего выражения. В результате воззрения идейных фундаменталистов как шиитской, так и суннитсткой ветвей ислама оказываются одинаково нацелены на построение всемирной теократии («исламской уммы»). Для воплощения указанных замыслов широко используется информационно–пропагандистский инструментарий. Например, политика продиктованного идеями неошиизма экспорта «исламской революции» предполагает использование помимо вооруженного насилия и «мирные», то есть пропагандистские, методы[1]. Исследователи отмечают, что стратегия транснационального исламистского движения отличается высокой эффективностью информационно–пропагандистских методик. Как правило, таковые призваны привлечь сторонников не только в ареале традиционного распространения исламской религии, но и в странах Западной Европы и Северной Америки. Целевая аудитория исламистской пропаганды постоянно пребывает в эпицентре интенсивного информационно-пропагандистского воздействия, нацеленного на расширение социальной базы сторонников «всемирного халифата». Передовые информационные технологии превратились в эффективное средство в арсенале транснациональных исламистстких группировок. Это объясняется ограниченностью ресурсов для ведения пропаганды через традиционные масс–медиа, как правило, контролируемых государственными институтами, а также конкуренцией между группировками экстремистского толка за предпочтения потенциальных единомышленников[2].

Помимо несистемных субъектов современного миропорядка к разработке экспансионистских идеологий и доктрин активно обращаются и элиты национальных государств. В данной области информационно-психологического противоборства преуспели как правительства «региональных держав», так и государства, остающиеся клиентами доминирующих геополитических акторов. Примером первого порядка может служить идеологическое обеспечение активной внешней политики политического класса Турции после распада СССР. В указанное время турецкое руководство пыталось воплотить проект «Большого Турана», охватывающий практически все тюркские государства Евразии. После неудачи с его практическим продвижением в рамках проекта Всемирной Ассамблеи тюркских народов объектом идейно-политической и культурной экспансии неосманистов стало постсоветское пространство. Для этого с начала 2000-х гг. была разработана доктрина «Стратегической глубины», ставшая доктринальным

[1] Сажин В.И. Военная мощь Ирана. Двадцать лет: от пепла до алмаза (к 20-летию Исламской Республики Иран (1979–1999 гг.) // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. — М.: ИВ РАН , 1999. — С. 71–94.

[2] Стышинский М. Джихадистская пропаганда в интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. — 2016. — № 5(69). – С.158–163.

фундаментом внешней политики Турции. Например, Турция за счет этноконфессиональной общности с тюркскими государствами СНГ добивается усиления своего влияния в области гуманитарного развития Центральной Азии. Вполне аргументированным представляется мнение В.А. Аваткова, согласно которому в постсоветской Центральной Азии формируется система лоббистских протурецких групп, действующих в формате международных организаций[1]. Именно с действиями турецких представителей имеет смысл связывать переход Казахстана на латинский алфавит и официальный документооборот, что, несомненно, свидетельствует об эффективности реализации проекта Тюркского совета в ближнем зарубежье России. Немало сделано для идеологической и моральной обработки молодежи в усвоении пантюркистских лозунгов, что со временем позволит развернуть массированную пропаганду идей тюркского единства и геополитического доминирования Турции[2].

Современная ситуация наглядно свидетельствует об интенсивном заполнении идейной и мировоззренческих сфер региональной безопасности пространства СНГ ангажированными идеологическими концептами. Их активное внедрение совпадает со временем расширения Европейского союза, с включением в его состав стран Восточной Европы и новых независимых государств СНГ. На период 2004–2008 гг. приходится формирование идеологического фундамента для развертывания массированной антироссийской пропаганды. Совершенно самостоятельное значение по отношению к доминирующим в панъевропейской пропаганде идеологиям «общечеловеческих ценностей» и «нормативной силы» приобрели ангажированные идейные концепты, возникшие в результате усилий представителей стран «Новой Европы». Политики и специалисты масс–медиа Польши, Румынии, прибалтийских государств целенаправленно искажают внешнюю политику России в ее исторической ретроспекции и в современном выражении. Созданные мифы об «агрессии» и «колониализме» Российской Империи и СССР сегодня клишируются и по поводу оценки действий России в своем ближнем зарубежье. Это ведет к формированию обобщенной «антироссийской идентичности», призванной подорвать культурное и ментальное единство новых независимых государств. Указанные дискриминационные приемы перевели информационно-пропагандистские акции русофобских политиков из «малых стран» на уровень трансевропейских институций. Тем самым они фактически одобрены лидерами и «политическим классом» Европейского союза, провоцируя идеологические предпосылки для системных кризисов региональной безопасности СНГ. Таковыми стали «пятидневная война» в Южной Осетии 2008 г и т.н. «Евромайдан» в Киеве 2013 г.

О противоречивости ситуации с распространением в постсоветских обществах тех или иных идеологических доктрин и духовных установок свидетельствуют данные социологических опросов. В начале XXI столетия отмечалось лабильность мировоззрения социумов государств СНГ к идеям интернационального либерализма. Так, по опросу фонда «Либеральная миссия» в 2003 г. сторонниками традиционных ценностей

[1] Аватков В.А. Идейно-ценностныйфакторвтюркскихгосударствахпостсоветскогопространства / Мировая политика. — 2019. — № 4. — С. 1–12.

[2] Таштемханова Р., Бокова Б. Публичная дипломатия Турции в странах Центральной Азии (1991-2018 гг.) // Bulletin D'EUROTALENT-FIDJIP. — 2019. — № 1. — С. 5–11.

оставались 19,6 % граждан России, советских идейных принципов придерживались 27, 5% опрошенных, тогда как 45, 1% респондентов относили себя к приверженцам либеральных мотиваций [1] . Однако восприятие граждан России к субъектам, распространяющим либеральные доктрины в международном сообществе, отличает четко выраженный негативный контекст. По данным опроса 2015 г. в котором участвовало 320 924 человека, 89 % респондентов отрицательно воспринимали политику НАТО, а 81% полагали, что отношения между блоком носят антагонистический характер[2].

При этом на Украине число сторонников вступления в альянс на фоне гражданской войны на Донбассе неуклонно возрастает. Если в 2017 г. таких было 46 % опрошенных, то спустя год этот показатель достиг 67 %[3]. Немного меньшим остается показатель настроений жителей Украины, уверенных в необходимости вступления в Европейский союз, однако и по этому вопросу в стране по данным социологической группы «Рейтинг» имеется устойчивое большинство — 62 % по результатам опроса 2019 г.

Стоит отметить, что нередко сам формат проводимых заинтересованными субъектами социологических опросов заставляет сделать вывод об их ангажированном характере. Так, согласно данным исследования в рамках проекта «Восточное соседство» в феврале 2019 г. среди граждан Белоруссии 51% респондентов выразили доверие Европейскому союзу, тогда как по отношению к Евразийскому экономическому союзу такой показатель составил 48%. Такие данные содержатся в результатах опроса, проведенного в странах–участницах программы ЕС «Восточное партнерство» в феврале–апреле 2019 года в рамках проекта Евросоюза «Восточное соседство ЕС»[4].

Таким образом, популярность проектов интеграции с участием России в последние годы имеет тенденцию к снижению. Это свидетельствует о том, что активная идейно–пропагандистская работа ведется и в отношении массового политического сознания постсоветских республик, юридически не входящих в евроатлантические организации. Причем не делается различий между государствами, сохраняющими свой нейтральный статус, и государствами, состоящими в союзных отношениях с Российской Федерацией. Для Украины, Молдавии, Белоруссии, Азербайджана, Армении предлагаются весьма схожие направления информационно–пропагандистской обработки гражданского общества и его властных институтов. К ним относятся :

— политика «европеизации» социумов и политических систем стран постсоветского региона и культивирование идей особых отношений с Европейским союзом или гипотетического партнерства с ним;

— конструирование идентичности политической нации на основе ее

[1] Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. — М.: ГУ ВШЭ — С.4.

[2] Отношение россиян к НАТО: результаты опроса. [Электронный ресурс] — URL : http://vsenato.ru/otnoshenie-rossiyan-k-nato-rezultaty-oprosa/. (Дата обращения 23.02.2020 г).

[3] Украинцы и членство в НАТО: как менялось отношение к Альянсу. [Электронный ресурс] — URL : https://24tv.ua/ru/ukraincy_i_chlenstvo_v_nato_kak_menjalos_otnoshenie_k_aljansu_n1030623/. Загл. с экрана: (дата обращения: 24.02.2020).

[4] В Белоруссии больше доверяют Евросоюзу, чем ЕЭС. [Электронный ресурс] URL : https://eadaily.com/ru/news/2019/07/12/v-belorussii-bolshe-doveryayut-evrosoyuzu-chem-eaes/. Загл. с экрана: (дата обращения: 24.02.2020).

противопоставления идеям единства с русским народом (идеология «литвинства», проекты формирования польско–литовско–белорусской культурно-политической общности, концепция «Руси-Украины» и т.п.)[1] ;

— популяризация перспектив повышения благосостояния граждан за счет доступа к ресурсам «единой Европы».

Помимо проецируемых извне идей панъевропейских или пантюркистских идей в постсоветском регионе отмечается распространение условно автохонных идеологических доктрин. Общее между ними заключается в формировании искусственных национально-политических доктрин, отрицающих идейную и культурную близость с Россией, разрушающих общие для всех народов бывшего СССР историческую память и культурное наследие.

Заключение. Особенное значение для состояния региональной безопасности пространства СНГ имеет то обстоятельство, что массовое политическое сознание нашего региона оказалось под влиянием нескольких разнонаправленных векторов внешнего идеологического воздействия. Например, эксплуатируя тезис о едином «персидском наследии», функционирует государственная идеология постсоветского Таджикистана. Ее стержнем служит концепт «арийского прошлого» ираноязычных народов, позволяющий выдвигать, легитимизировть очередные территориальные притязания[2]. В Центральной Азии и Казахстане указанная тенденция дополняется интенсивной исламизацией региона за счет расширения идейного влияния Саудовский Аравии и патронируемых ею международных исламистских фондов.

Проведенный анализ показывает, что информационно-психологическое противоборство в постсоветском регионе являет собой противоречивый процесс, обладающий сложным субъектным составом. На пространстве региональной безопасности СНГ сталкиваются между собой полярные по содержанию идеологические доктрины, что формирует широкий набор вызовов и угроз национальным интересам России в ближнем зарубежье.

Библиография/References:

1. Аватков В.А. Идейно-ценностный фактор в тюркских государствах постсоветского пространства // Мировая политика. – 2019. – № 4. – С. 1–12.

2. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. – М.: Европа, 2007. – 168 с.

3. Бабынина Л.О. ЕС и Россия: конкуренция за постсоветское пространство? // РСМД. – 2013. – 29 мая. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/es-i-rossiya-konkurentsiya-za-postsovetskoe-prostranstvo (Дата обращения: 12.01.2020.)

[1]Кришатпович Л. Польско-шляхтетская трактовка белорусской истории и Русский мир. — URL: https://teleskop-by.org/2019/08/23/polsko-shlyahetskaya-traktovka-belorusskoj-istorii-i-russkij-mir/ (дата обращения: 12.03.2020)

[2]Джаббари Насир Х.Р. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 106-112.

4. Ваплер В.Я., Гронская Н.Э. и др. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы // Научный вестник Уральской академии государственной службы. Политология, социология, экономика, право. – 2010. – № 1. – С. 22–27.

5. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 105–106.

6. Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство. Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. – М.: Харвест, 2004. – 426 с.

7. Джаббари Насир Х.Р. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 106-112.

8. Зиновьев А.А. Запад. – М.: Центрополиграф, 2000. – 509 с.

9. Костырев Г.А. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // ПОЛИС. Политические исследования. – 2013. – № 2. – С. 143–150.

10. Кришатпович Л. Польско-шляхтетская трактовка белорусской истории и Русский мир. – URL: https://teleskop-by.org/2019/08/23/polsko-shlyahetskaya-traktovka-belorusskoj-istorii-i-russkij-mir (Дата обращения: 12.03.2020.)

11. Липсет С. Политическая социология // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. – М.: Прогресс, 1965. – С. 203–219.

12. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. – М.: Горячая линия - Телеком, 2018. – 496 с.

13. Поздняков А.И. Основы теории национальной безопасности // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2013. – Т. 2. – № 1. – URL: http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%202%20Vip%201/rubr3-kategoriya-smysla-st3-pozdnyakov-2013.pdf (Дата обращения: 18.01.2020)

14. Сажин В.И. Военная мощь Ирана. Двадцать лет: от пепла до алмаза (к 20-летию Исламской Республики Иран (1979–1999 гг.) // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. – М.: ИВ РАН, 1999. – С. 71-94.

15. Стышинский М. Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. – 2016. – № 5 (69). – С.158-163.

16. Таштемханова Р., Бокова Б. Публичная дипломатия Турции в странах Центральной Азии (1991-2018 гг.) // Bulletin D'EUROTALENT-FIDJIP. – 2019. – № 1. – С. 5–11.

17. Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. Формирование аппарат пропаганды во внешней политике США // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2015. – № 3 (12). – С. 120–122.

1. Avatkov, V.A. (2019) Ideino-tsennostnyi faktor v tiurkskikh gosudarstvakh postsovetskogo prostranstva [Ideological and value factor in the Turkic states of the post-Soviet space] // Mirovaia politika [World Politics]. – № 4. – P. 1–12. (In Russ.)

2. Amin, S. (2007) Virus liberalizma: permanentnaia voina i amerikanizatsiia mira [Virus of liberalism: permanent war and Americanization of the world]. – M.: Evropa. – 168 p. (In Russ.)

3. Babynina, L.O. (2013) ES i Rossiia: konkurentsiia za postsovetskoe prostranstvo?

[EU and Russia: competition for the post-Soviet space?] // RSMD [RIAC]. – 29 maia. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/es-i-rossiya-konkurentsiya-za-postsovetskoe-prostranstvo (data obrashcheniia: 12.01.2020.) (In Russ.)

4. Vapler, V.Ia., Gronskaia, N.E. i dr. (2010) Ideia imperii i «miagkaia sila»: mirovoi opyt i rossiiskie perspektivy [The idea of empire and “soft power”: world experience and Russian prospects] // Nauchnyi vestnik Ural'skoi akademii gosudarstvennoi sluzhby. Politologiia, sotsiologiia, ekonomika, pravo [Scientific Herald of the Ural Academy of Public Administration. Political science, sociology, economics, law]. – № 1. – P. 22–27. (In Russ.)

5. Giddens, E. (1999) Posledstviia moderniti [Consequences of modernity] // Novaia postindustrial'naia volna na Zapade. Antologiia [New post-industrial wave in the West. Anthology] / Pod red. L. Inozemtseva. – M.: Academia. – P. 105–106. (In Russ.)

6. Griniaev, S.N. (2004) Pole bitvy – kiberprostranstvo. Teoriia, priemy, sredstva, metody i sistemy vedeniia informatsionnoi voiny [The battlefield is cyberspace. Theory, techniques, means, methods and systems of information warfare]. – M.: Kharvest. – 426 p. (In Russ.)

7. Dzhabbari, Nasir Kh.R. (2019) Osobennosti formirovaniia tsentral'noaziatskogo napravleniia publichnoi diplomatii Irana [The Features of the Evolution of Iran’s Public Diplomacy in Central Asia] // Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia Sotsiologiia. Politologiia [Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology]. – T. 19. – № 1. – P. 106-112. (In Russ.)

8. Zinov'ev, A.A. (2000) Zapad [West]. – M.: Tsentropoligraf. – 509 p. (In Russ.)

9. Kostyrev, G.A. (2013) «Razumnaia sila», obshchestvennaia diplomatiia i sotsial'nye seti kak faktory mezhdunarodnoi politiki ["Intelligent power", public diplomacy and social networks as factors of international politics] // POLIS. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. – № 2. – P. 143–150. (In Russ.)

10. Krishatpovich, L. Pol'sko-shliakhtetskaia traktovka belorusskoi istorii i Russkii mir [Polish-gentry interpretation of Belarusian history and the Russian world]. – URL: https://teleskop-by.org/2019/08/23/polsko-shlyahetskaya-traktovka-belorusskoj-istorii-i-russkij-mir (Data obrashcheniia: 12.03.2020.) (In Russ.)

11. Lipset, S. (1965) Politicheskaia sotsiologiia [Political sociology] // Sotsiologiia segodnia. Problemy i perspektivy [Sociology today. Problems and prospects]. – M.: Progress. – P. 203–219. (In Russ.)

12. Manoilo, A. V. (2018) Informatsionnye voiny i psikhologicheskie operatsii. Rukovodstvo k deistviiu [Information war and psychological operations. Guide to action]. – M.: Goriachaia liniia - Telekom. – 496 p. (In Russ.)

13. Pozdniakov, A.I. (2013) Osnovy teorii natsional'noi bezopasnosti [Fundamentals of the theory of national security] // Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremia [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time]. – T. 2. – № 1. – URL: https://clck.ru/NXcxG (data obrashcheniia: 18.01.2020) (In Russ.)

14. Sazhin, V.I. (1999) Voennaia moshch' Irana. Dvadtsat' let: ot pepla do almaza (k 20-letiiu Islamskoi Respubliki Iran (1979–1999 gg.) [The military power of Iran. Twenty years: from ashes to diamond (on the 20th anniversary of the Islamic Republic of Iran (1979–1999)] // Islamskaia revoliutsiia v Irane: proshloe, nastoiashchee, budushchee [Islamic revolution in Iran: past, present, future]. – M.: IV RAN. – P. 71-94. (In Russ.)

15. Styshinskii, M. (2016) Dzhikhadistskaia propaganda v Internete i sotsial'nykh media [Jihadist propaganda on the Internet and social media] // Politicheskaia lingvistika [Political linguistics]. – № 5 (69). – P.158–163. (In Russ.)

16. Tashtemkhanova, R., Bokova, B. (2019) Publichnaia diplomatiia Turtsii v stranakh Tsentral'noi Azii (1991-2018 gg.) [Public diplomacy of Turkey in the countries of Central Asia (1991-2018)] // Bulletin D'EUROTALENT-FIDJIP. – № 1. – P. 5–11. (In Russ.)

17. Tsvetkova, N.A., Iarygin, G.O. (2015) Formirovanie apparat propagandy vo vneshnei politike SShA [The formation of the propaganda apparatus in US foreign policy] // Azimut nauchnykh issledovanii: ekonomika i upravlenie [ASR: Economics and Management]. – №3 (12). – P. 120–122. (In Russ.)